

то есть человеческая жизнь в многовековой череде событий истории?.. Что значит для истории один человек, скованный рамками условностей, принципов, постулатов и социальных установок, зачастую вынужденный подчиняться помимо своей воли и желания бешеному водовороту событий, войн, встреч, праздников, буден, радостей и горя?.. Иному времени уготованы титулы почетные и праведные, иному – клеймо палача и тирана. Иному – место властителя человеческих дум, иному – гласа совести народной... Один под напором орущей и беснующейся толпы отрекается от своих идеалов, другой идет за них на смерть. Одного восхваляют на всех углах, но имя его забудет неумолимая История. Другой же, оклеветанный и непонятый современниками, останется в ней навсегда, как маленькая яркая звездочка на небосклоне...

Корнилов... Весь «советский» период истории России имя это ассоциировалось с черным клеймом «злейшего врага трудового народа», «белогвардейского отребья»... Но стоит только почитать воспоминания о нем современников, попытаться понять важность его географических исследований, осмыслить вехи начатого им Белого Дела, и ярким светом засияют грани судьбы этого замечательного человека и воина. Блестящий офицер, храбрейший полководец, талантливый исследователь-первопроходец и этнограф, наконец, незыблемый символ антибольшевицкого сопротивления. Все это – Георгиевский кавалер, генерал-от-инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов.

* * *

18 августа 1870 года, в день Святых Флора и Лавра, в Западной Сибири в семье мелкого чиновника, выслужившегося из нижних чинов отставного хорунжего станицы Каракалинской Сибирского казачьего войска, родился сын, нареченный Лавром. Мать его была казачкой станицы Кокпектинской, и кроме Лавра в семье было еще двое детей – сын Петр и дочь Анна.

Кочевая служба отца приучает мальчика с детства переносить суровый сибирский климат, вырабатывает настойчивость, силу воли, наблюдательность. Его отец сам ведет все свое небольшое хозяйство – сеет, ходит за сохой, косит. С девяти лет маленький Лавр начинает свое образование в приходской школе. Вскоре семья переезжает через Прииртышскую степь в Зайсан. Ненасытный в любознательности Лавр, готовясь к поступлению в кадетский корпус, читает книги даже при свете костра, когда в ночном стережет лошадей. В 1883 году он едет в Омск и становится кадетом, впервые надев погоны.

Кадет Лавр Корнилов в 1889 году первым заканчивает 1-й Сибирский Императора Александра I кадетский корпус и поступает в Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. Настойчивый и независимый, он в числе лучших учеников. Однокашники его любят, преподаватели видят в нем задатки прекрасного офицера. Начальник училища генерал Чернявский помогает Лавру Корнилову закончить училище, встав на его защиту, когда юнкеру грозит увольнение за независимый нрав и острый язык. Юнкер Лавр Корнилов – первый из михайловцев в выпуске 1892 года. Имея преимущество выбора вакансии в полк, он не ищет престижной службы в гвардии или «хорошей» стоянки в больших городах. Получив офицерский чин, Лавр Георгиевич просит зачислить его... в Туркестанскую артиллерийскую бригаду и уезжает в Среднюю Азию. Подпоручик Корнилов честно служит и усердно занимается для поступления в Академию. Он изучает местные языки, обычаи и

правы. Любим солдатами и уважаем местными жителями. Чтобы помогать старому отцу, дает частные уроки. В 1895 году молодой офицер первым выдерживает экзамен и поступает в Императорскую Николаевскую Академию Генерального Штаба. Спустя три года поручик Лавр Георгиевич Корнилов заканчивает ее с малой серебряной медалью.

Тяга к знаниям у молодого обер-офицера столь велика, что еще будучи юнкером военного училища, чтобы платить за дополнительные уроки иностранного языка, Л. Г. Корнилов берет платные заказы на чертежи. Впоследствии он изучает, помимо европейских, еще и ряд восточных языков.

Отказавшись от службы в Генеральном Штабе, он, вдохновляемый опасностями и загадками Туркестана, вновь отправляется на Восток. В том же 1898 году Корнилов прибывает в город Термез на афганскую границу, в распоряжение известного исследователя Азии генерала М. Е. Ионова.

Генерала сильно беспокоила построенная с помощью англичан афганская крепость Дейдади, что в ущелье Гинду-куша, в 50 верстах от границы на пути в Кабул. Ее вооружение и укрепление были полной тайной для русских, а все попытки разведчиков проникнуть в крепость кончались печально – их сажали на кол. Лавр Георгиевич просит у генерала три дня отпуска и, никому ничего не говоря, переодетый скачет с тремя туркменами к крепости. Побрив голову, надев туркменский халат (пригодились унаследованные от матери восточные черты лица), с револьвером в кармане, он говорит спутникам, что живым в плен не попадет: «Последняя пуля – себе». Они переплывают на бурдюках бурную Аму-Дарью. Прекрасно владея местным наречием, Л. Г. Корнилов успокаивает подозрительность часового почтительным поклоном и уверенным ответом: «Великий Абдурахман, эмир Афганистана, собирает всадников в конный полк. Я еду к нему на службу». – «Да будет благословенно имя Абдурахмана», – говорит воин-афганец, не подозревающий, что богато одетый всадник и его сопровождающие – русские разведчики.

...К концу третьего дня капитан Л. Г. Корнилов, проскакав сотни верст, вручает генералу Ионову фотографии, план крепости и дорог. «Но ведь Вас могли посадить на кол», – восклицает генерал. «Я это знал», – слышит он в ответ. Генерал представляет храбреца к ордену Святого Владимира IV-й степени с мечами (боевая награда в мирное время!), но вместо этого капитан получает выговор с обещанием посадить его на 30 дней на гауптвахту за самовольную отлучку за границу. Этот подвиг и рекордный пробег в 400 верст за три дня сразу выдвигают молодого офицера Генерального Штаба, и ему отныне дают серьезные и ответственные поручения.

Как географ и этнограф в 1899 году Л. Г. Корнилов обследует район Кушки в направлении на Герат и Мейман. Затем полтора года, невзирая на невообразимые лишения, изучает Кашгарию. С поручиком Кирилловым и несколькими казаками он проходит вдоль и поперек выжженную солнцем страну, нанося на карту извилины дорог, русла рек, колодцы и т. д. Возвратившись из полной опасностей и лишений экспедиции, Корнилов пишет и издает книгу «Кашгария или Восточный Туркестан», равную по научной ценности трудам знаменитого путешественника генерала Н. М. Пржевальского. Позже на протяжении месяцев занимается исследованием и описанием областей Восточной Персии – Хоростана и Сеистана, куда до него не проникал еще ни один европеец. В 1901 году Л. Г. Корнилов отправляется в новое опасное путешествие и проходит неисследованную до него и остававшуюся белым пятном на карте Персии «Степь Отчаяния» – Дашти-Наумед. Ни

один путешественник до той поры не вернулся оттуда. В течение 7 месяцев Корнилов с двумя казаками и двумя туркменами, исходив «Степь», наносит на карту дороги, караванные пути, развалины древних городов, изучает нравы местных кочующих племен.

В Ташкенте Лавр Георгиевич женится на Таисии Владимировне Марковиной и везет молодую жену в свадебное путешествие... в пустыню – в очередную служебную поездку! По дороге вдруг выясняется, что новобрачная потеряла свое обручальное кольцо. Л. Г. Корнилов поворачивает караван обратно и после долгих поисков, пройдя много верст, находит кольцо в безбрежной песчаной пустыне! (Оказалось, на последней остановке при умывании кольцо соскользнуло с пальца жены.)

С 1902 года подполковнику Л. Г. Корнилову поручается редактирование секретного издания Штаба Туркестанского военного округа под названием «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом», где помещаются отчеты о некоторых из его экспедиций.

Заглянем в послужной список Лавра Георгиевича: в течение года он командует ротой. С 11 августа 1899 года – помощник старшего адъютанта Штаба Туркестанского военного округа; с 19 октября 1901-го – штаб-офицер для поручений при Штабе Туркестанского военного округа; с 13 июня 1904 года – столоначальник Главного штаба. В 1903 году Л. Г. Корнилов отправляется в Индию для изучения местных языков, нравов и обычаев. Русско-Японская война застает его в Белуджистане. После долгих хлопот, 30 сентября 1904 года Корнилов получает разрешение перейти в Действующую Армию, в штаб 1-й стрелковой бригады, с которой и участвует в боях под Сандепу, Мукденом и Телином.

Ученый и этнограф, Л. Г. Корнилов блестяще выдерживает и офицерский экзамен на прочность, устроенный ему судьбой в боях с японцами. При отходе от Мукдена его ослабленная потерями бригада остается в арьергарде, обеспечивая отход 2-й Маньчжурской армии. У деревни Вазье бригада попадает в окружение. Ночью Корнилов воодушевляет подчиненных и ведет их в штыковую атаку, внезапным ударом обращая японцев в бегство. Плотное кольцо врага разорвано, и считавшаяся уже погибшей бригада присоединяется к армии. Наградой Лавру Георгиевичу был орден Святого Георгия IV-й степени. Высочайший приказ так описывает его подвиг:

«...25 февраля 1905 года, получив приказание отвести от Мукдена собравшиеся к Мукденской станции из разных отрядов 1, 2 и 3 стрелковые полки, понесшие в предшествовавшие дни большие потери в офицерских и нижних чинах, подполковник Корнилов, достигнув окрестностей деревни Вазье, около 3 часов пополудни занял здесь позицию и в течение 4-х часов удерживал натиск противника, обстреливавшего наше расположение сильнейшим артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем; за это время выбыли из строя 2 командующих полками, а во 2-м стрелковом полку остались лишь 3 офицера.

Выдерживая натиск противника, подполковник Корнилов собрал нижних чинов разных частей, отступавших кучками и поодиночке, отправляя их на север вдоль железной дороги. Им было принято под охрану знамя 10-го стрелкового полка, следовавшее с малым конвоем отдельно от полка, и забраны оставленные пулеметы. Около 7 часов вечера, пропустив значительную массу отходивших нижних чинов разных частей и обеспечив таким образом их отход, подполковник Корнилов приступил к очищению своей пози-

Генерал Л.Г. Корнилов

ции. Деревня Вазье была в это время почти окружена противником. Усиленный огонь наших стрелков и атака в штыки 5-й роты 3-го стрелкового полка заставила японцев раздвинуться и открыть дорогу отряду подполковника Корнилова, вынесшему знамена, пулеметы и всех своих раненых и в порядке отступившему на север вдоль железной дороги».

За боевые отличия в 1905 году Л. Г. Корнилов был произведен в полковники, а после заключения мира – 1 мая 1906 года назначен делопроизводителем Управления генерал-квартирмейстера Генерального Штаба. По служебным делам он выезжает на Кавказ, в Туркестан и в Западную Европу. С 1 апреля 1907 года Корнилов – военный агент (атташе) в Китае. Отказавшись от перевозочных средств, верхом на коне с тремя ординарцами-казаками проезжает он весь путь от Иркутска до Пекина (в Штабе Иркутского военного округа вплоть до 1920 года хранилось седло Л. Г. Корнилова).

Жадно впитывая новую культуру и совершенствуясь в языке, Лавр Георгиевич собирает книги, рукописи, ковры, эмаль, богатейшую коллекцию китайских божков. Знакомится с выдающимся синологом Шкуркиным и часто бывает у него дома. Последний посвящает офицера в тонкости китайского языка. Китайцы дружелюбно относятся к русскому атташе, но не открывают ему своих военных секретов.

Об одной блестяще проведенной Корниловым разведывательной операции сохранился рассказ, звучащий, как легенда. Русскому командованию стало известно, что китайцы в строжайшем секрете готовят в отдаленном городке особый отряд войск, обучаемый европейским приемам боя. Корнилов, переодевшись в пышный наряд китайского мандарина, едет туда. Его принимают

как посланника самого «сына неба» – Богдыхана. Лавру Георгиевичу оказываются всяческие почести, ему подробно докладывают об успехах, и весь отряд проходит перед ним церемониальным маршем. По окончании парада Корнилов произносит по-китайски речь, благодарит за оказанный прием и благополучно возвращается в посольство, завершив свою миссию.

В 1907 году Л. Г. Корнилов награжден за боевые отличия Золотым Оружием. 24 февраля 1911 года его назначают на должность командира 8-го пехотного Эстляндского полка, стоявшего под Варшавой, но уже 3 июня Корнилов получает должность начальника 2-го Заамурского отряда Отдельного корпуса пограничной стражи, в состав которого входят два пехотных и три конных полка. В том же году Л. Г. Корнилов произведен в генерал-майоры.

В 1912 году по приказу начальника округа генерал Корнилов производит дознание о злоупотреблениях интендантства и о снабжении войск недоброкачественными продуктами, после чего дело передается военному следователю. По постановлению прокурорского надзора к следствию привлекаются в качестве обвиняемых некоторые начальствующие лица. Министр финансов Кокцов, в ведении которого находились пограничные войска, всячески пытался скрыть недостатки в своем ведомстве и добился высочайшего повеления о прекращении следствия. Начальник округа генерал Мартынов подал прошение об отставке, генерал Корнилов по личному ходатайству 4 июля 1913 года был переведен на должность командира расквартированной во Владивостоке 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии.

* * *

19 июля 1914 года Россию всколыхнула весть об объявлении Германией войны. В этот же день генерал Л. Г. Корнилов, следуя мобилизационному предписанию, убывает на Западный фронт. Проехав от Тихого океана до Карпат, он временно принимает под свое командование 48-ю пехотную дивизию, в составе которой – полки, носящие прославленные «суворовские» имена – 189-й Измаильский, 190-й Очаковский, 191-й Ларго-Кагульский и 192-й Рымникский.

Уже 27 августа судьба испытывает генерала на прочность. XXIV-й армейский корпус, правым флангом выдвинувшийся вперед, был охвачен австрийцами, атаки которых следовали одна за другой, угрожая прорвать фронт на участке 48-й пехотной дивизии. Когда под натиском врага дрогнула одна из частей, потерявшая всех офицеров, Л. Г. Корнилов лично ведет в контратаку последний резерв – усиленный пулеметами саперный батальон. Под ним убита лошадь, но он опять впереди. На короткое время противник остановлен, но вновь обойденные русские полки вынуждены отступить, потеряв около тридцати орудий, немало солдат и офицеров.

Командовавший тогда соседней 4-й стрелковой бригадой генерал А. И. Деникин объяснял неудачу тем, что «дивизия и ранее не отличалась устойчивостью. Но очень скоро в руках Корнилова она стала прекрасной боевой частью». Не раз впоследствии Антон Иванович, искренне восхищаясь, подчеркивал командирские качества Корнилова: «умение воспитывать войска, личная его храбрость, которая страшно импонировала войскам и создавала ему среди них большую популярность, наконец, высокое соблюдение воинской этики в отношении соратников – свойство, против которого часто грешили многие начальники». С 11 сентября 1914 года Л. Г. Корнилов командует 1-й бригадой 49-й пехотной дивизии, а 30 декабря принимает под свое командование 48-ю пехотную дивизию.

Наступая, дивизия Корнилова пробилась через Карпаты. Однако соседним соединениям не удалось развить успех, и передовой русский отряд вынужден был отступать под натиском опомнившихся врагов. Единственная свободная крутая горная дорога была занесена снегом, а у местечка Сины ее перекрыли австрийские части. Чтобы вывести артиллерию, генерал собрал около батальона пехоты и предпринял контратаку. Дивизия не только вырвалась из окружения, не потеряв ни одного орудия, но и опрокинула два вражеских полка, захватив более 1200 пленных с генералом. Во время операции в Карпатах в боях 15–16 января 1915 года дивизия Л. Г. Корнилова овладела перевалом Черемша, взяв до 3 000 пленных. За геройские действия 15 февраля 1915 года Корнилов был произведен в генерал-лейтенанты, а его дивизия стяжала громкое наименование «Стальная».

Л. Г. Корнилов всегда на передовой. Он всегда хочет сам видеть и знать, что делает враг и готовы ли его части к решительным действиям. В одном из боев генерал вдруг спрашивает у своего начальника Штаба: «Что случилось в Очаковском полку?» — «Связь потеряна, провод перебит», — отвечает тот. «Послать подкрепление, австрийцы обходят наш левый фланг». Помощь приходит вовремя. В Штабе недоумевают, как генерал узнал об обходе. Оказывается, в бинокль он видел, как несколько наших солдат вдруг резко поменяли направление стрельбы — значит, обход!..

Дивизии поставлена задача перейти на противоположный берег реки Сан. В этих боях она попадает в окружение. Мало патронов, солдаты устали от беспрерывных боев. Вновь русские войска вынуждены пробиваться, причем два последних резервных батальона ведет в штыковую сам начальник дивизии. Кольцо вновь разорвано, и дивизия с честью выходит из тяжелой ситуации. Существуют, впрочем, и негативные оценки действий Лавра Георгиевича: как писал генерал А. А. Брусилов, во время действий на карпатском театре военных действий Корнилов «не исполнил приказа своего корпусного командира и, увлекшись преследованием... был окружен и с большим трудом пробился и вернулся тропинками обратно, потеряв всю артиллерию и часть обоза».

В марте того же 1915 года Л. Г. Корнилов отличился при прорыве позиций 3-го австро-венгерского корпуса и в бою у высоты 650, господствовавшей над всеми окрестными дорогами. Многократные попытки овладеть ею не приводят к успеху. Корнилов мрачен. Каждый подступ к горе известен и нанесен на карту, известно количество войск противника и их вооружение, но вершина недоступна. Генерал лично допрашивает пленных, внимательно вслушиваясь в каждое их слово. Вскоре лицо его веселеет, и предпринятая по плану Корнилова новая атака приносит желаемый успех — высота взята, захвачены пленные и вооружение.

Но завершается боевая деятельность генерала Корнилова в Галиции трагично. В конце апреля 1915 года его 48-я дивизия занимает позиции на левом фланге укрепленного участка в 30 верст, к юго-западу от Дуклы. После разгрома III-й армии русских на Дунайце противник ведет мощное наступление на Львов и Перемышль и выходит во фланг и тыл XXIV-го корпуса, вынудив наши войска оставить позиции на линии Тарнов — Горлице. 48-я дивизия отходит на 25–30 верст и занимает новые, неукрепленные позиции. Вскоре Л. Г. Корнилов получает распоряжение отступить еще на 15–20 верст. Не имея информации от соседей, он ждет приказаний о переходе в контратаку во фланг оттесняющему наши части врагу и теряет время для вывода своей дивизии из окружения. Между Зимградом и Дуклой, у деревни Ивна, обозы от-

«У Боржимова». Рисунок Н. Самокиша

ступающих русских войск окружены врагами. Генерал Корнилов не был бы самим собой, если бы не попытался прорваться из кольца. Ведомая своим командиром, дивизия идет на прорыв, но счастье улыбается только 191-му пехотному Ларго-Кагульскому полку и батальону 190-го пехотного Очаковского. Они и выносят все знамена дивизии. Дерущийся в арьергарде батальон 192-го пехотного Рымникского полка гибнет почти полностью. С рассветом 25 апреля противник обрушивается на остатки русских частей.

Раненный в голову и руку Корнилов, не желая сдаваться, с горсткой солдат уходит в горы, пытаясь пробиться к своим. Через пять дней, 29 апреля, «Орлиное гнездо» взято австрийцами, и его обессиленные защитники попадают в плен. Их только семеро – генерал Корнилов, пять солдат и санитар...

В ходе боев дивизия Корнилова потеряла около 5000 человек из 7000 и 34 орудия, однако действия самого генерала и его полков были высоко оценены командующим Юго-Западным фронтом генералом Н. И. Ивановым. 28 апреля Государь наградил начальника дивизии орденом Святого Георгия IV-й степени, офицерам были пожалованы боевые ордена, а нижним чинам – Георгиевские Кресты. С 12 мая генерал Л. Г. Корнилов как находящийся в плену был отчислен от должности.

Несмотря на прекрасный уход в австрийском военном госпитале, раны заживали медленно, и остаток своей жизни Лавр Георгиевич прихрамывал, а левая рука его не действовала. Эрцгерцог Иосиф, главнокомандующий одной из австро-венгерских армий, и другие высокие чины навещали русского генерала и считали за высокую честь познакомиться с ним.

В плену генерал Корнилов встречает солдат своей дивизии, в большинстве раненых и полуголодных, и обращается к ним для ободрения духа с приветственным словом. На его глазах выступают слезы. Солдаты бросаются к своему командиру, целуют его руки, полы одежды и плачут, как дети, — зрелище, потрясшее даже австрийских конвоиров.

Помещенный первоначально в замок Нейгенбах под Веной, Корнилов был затем переведен в замок Эстергази в венгерском селении Лека. В плену генерал продолжает изучать местные языки, быт и нравы австрийской армии. Он неоднократно пытается бежать. Первый план — при помощи русского авиатора Васильева захватить австрийский аэроплан — был раскрыт, и Корнилова перевели в другой, более строго охраняемый лагерь, откуда бежать было сложно.

Специально перестав есть и всячески изнуряя себя, Л. Г. Корнилов попадает в госпиталь в местечке Кессиге. Здесь он посвящает в подробности плана своего побега русского врача Гудковского, а через вестового Д. Цесарского договаривается с фельдшером, чехом Ф. Мрняком, о помощи в побеге. Фельдшер добывает для генерала австрийскую военную форму ландштурмиста, деньги на дорогу и поддельные документы. 29 июня 1916 года среди бела дня Мрняк вывел заgrimированного русского генерала из госпиталя, и они оба по железной дороге направились к румынской границе.

Доктор Гудковский, больные и вестовой генерала скрывали побег. Однако отсутствие Л. Г. Корнилова на панихиде по умершему русскому офицеру вызвало подозрение у австрийцев. К тому же было найдено неотправленное письмо Мрняка родственникам, где он писал о готовящемся побеге. Начались усиленные поиски беглецов, к тому времени уже достигших конечной станции железной дороги. Избегая патрулей и застав на дорогах, питаясь кореньями трав и ягодами, переодетые теперь в гражданскую одежду, Корнилов и Мрняк направились через горы в сторону румынской границы. Не выдержавший голода чех зашел в кабачок, чтобы поесть и приобрести продукты. Он был опознан и схвачен жандармами, позже был предан суду и приговорен к смертной казни, однако наказание было заменено на 25 лет тюрьмы.

Не будучи в состоянии помочь товарищу, Корнилов продолжает дальнейший путь один. Проблуждав около месяца по лесу, генерал находит приют в шалаше у пастуха-славянина, который и выводит его наконец к Дунаю и указывает безопасное место для перехода на противоположный берег. Ночью 18 августа 1916 года Лавр Георгиевич пересекает румынскую границу.

Когда ранним утром 28 августа 1916 года на запыленной площади румынского городка Турну-Северян к русскому офицеру обратился, подавляя кашель, изможденный и заросший щетиной человек: «Я — генерал-лейтенант Корнилов! Дайте мне приют...» — изумлению не было предела. Через несколько дней бывший пленник уже в Бухаресте, откуда выезжает в Ставку Верховного Главнокомандующего и из рук Государя лично получает ранее пожалованную награду.

Отметим, что на сентябрь 1916 года по сведениям Ставки в плену числились 60 русских генералов. Бежал же один лишь Л. Г. Корнилов, что сразу

*Генерал Л.Г. Корнилов
по возвращении из плена, Гатчина, 1916 год*

сделало его знаменитым. Практически все газеты и журналы помещают портреты смельчака. В Михайловском артиллерийском училище в Петрограде в честь героя-выпускника выстраивается весь личный состав в парадной форме... Казаки станицы Каракалинской из далекой Сибири присылают своему земляку золотой нательный крест и 100 рублей денег... Побег Корнилова из плена вызывает взрыв патриотических чувств, в нем видят героя, смелого и решительного.

13 сентября 1916 года генерал Л. Г. Корнилов получает в командование XXV-й армейский корпус, однако уже через несколько месяцев для него, да и для всей России, начинаются новые страшные испытания.

* * *

С отречением Императора Николая II военный и морской министр А. И. Гучков и глава Временного Комитета Государственной Думы М. В. Родзянко желали видеть на посту командующего войсками Петроградского военного округа популярного среди солдат боевого генерала и Георгиевского кавалера Л. Г. Корнилова. И начать свою деятельность на этом посту первому «революционному» командующему пришлось с ареста Императрицы Александры Федоровны 7 марта 1917 года. Сам генерал позже не любил вспоминать об этом факте своей биографии, тем более что многие ставили ему этот арест в вину.

Появление Корнилова в Петрограде, впрочем, имело свою предысторию. Дежурный генерал Главного Штаба, генерал А. П. Архангельский, свидетельствовал, что, когда начался хаос в столице, руководство Главного и Морского Штабов на совещании о путях восстановления снабжения Армии всеми видами довольствия, которое было приостановлено беспорядками, грозившими фронту неминуемой катастрофой, остановило свой выбор на генерале Корнилове. Выбор был утвержден собственноручной резолюцией Государя – «Исполнить» – 2 марта, за несколько часов до отречения. Таким образом, Лавр Георгиевич исполнял последнюю волю своего Императора.

Голословными остаются и обвинения Корнилова в неподобающем поведении при аресте Императрицы. С максимальной корректностью генерал сообщил Ее Величеству о решении Временного Правительства считать Царскую Семью арестованной, затем попросил всех выйти и остался с Императрицей наедине. Речь в это время могла идти о возможном переезде Августейшей Семьи в Англию. Когда генерал Корнилов выходил, Государыня поблагодарила его, а оставшись одна, заплакала... Исполнив этот тяжелый акт, генерал ограждал Царскую Семью от многих неприятностей в эти тяжелые дни Их жизни. И все, кто видел тогда генерала, свидетельствуют о его сильном моральном потрясении...

Вообще же политические взгляды Л. Г. Корнилова один из деятелей Совета рабочих и солдатских депутатов характеризовал так: «В исполнительном комитете он говорил, что против царского режима. Я не думаю, чтобы Корнилов унизился до притворства. Несомненно, он сочувствовал реформаторским стремлениям. Но также несомненно, что он не был демократом, в смысле предоставить власть народу: как всякий старый военный, он всегда был подозрительно настороже по отношению к солдату и “народу” вообще: народ славный, что и говорить, но надо за ним присматривать, не то он избалуется, распустился. Против царского строя он был именно потому, что власть начинала терять свой серьезный, деловитый характер. Хозяин был из рук вон плох, и нужен был новый хозяин, более толковый и практичный».

На своем высоком посту Корнилов, однако, не может принимать самостоятельных решений, хотя за все несет ответственность. Петроградский военный округ погряз в митингах и пьянстве, дисциплина упала до нуля, офицеры не могли сказать и слова без риска быть поднятыми на штыки. Страна по сути потеряла Армию и неизбежно катилась в пропасть хаоса и беспорядков. Временное Правительство и Совдеп путались в собственных распоряжениях, да их никто и не думал исполнять.

23 апреля 1917 года Лавр Георгиевич написал рапорт с просьбой вновь направить его на фронт, и военный министр счел возможным назначить его командующим Северным фронтом. Верховный Главнокомандующий генерал М. В. Алексеев возражал против такого решения, ссылаясь на недостаточный командный стаж Корнилова и говоря, что неудобно «обходить старших начальников – более опытных и знакомых с фронтом, как, например, генерал А. Драгомиров». Следствием этого стало назначение 29 апреля генерала Корнилова на пост командующего VIII-й армией (Юго-Западный фронт).

Тогда же рядом с генералом появляется в качестве ординарца доброволец В. Завойко. Именно ему, неплохо владевшему пером, поручал Лавр Георгиевич составление тех документов, где нельзя было обойтись без литературной обработки и корректуры. Завойко стал буквально правой рукой генерала и немало сделал для роста авторитета командующего, составляя его речи и воззвания. Он же вспоминал о начале «знакомства» командующего армией с вверенными ему войсками. Резервные части устроили митинг и на все доводы о необходимости наступления отвечали отказом, всячески попрекая власти за продолжение «буржуазной» войны; на позициях же дело обстояло еще хуже.

«Когда генерал Л. Г. Корнилов после двухчасовой бесплодной беседы, измученный нравственно и физически, отправился в окопы, – рассказывал Завойко, – здесь ему представилась картина, которую вряд ли мог предвидеть воин любой эпохи... Появление генерала Л. Г. Корнилова было приветствуемо... группой германских офицеров, нагло рассматривавших командующего русской армией. За ними стояло несколько прусских солдат... Генерал взял у меня бинокль и, выйдя на бруствер, начал рассматривать район будущих боевых столкновений. На чье-то замечание, как бы пруссаки не застрелили русского командующего, последний ответил: “Я был бы бесконечно счастлив – быть может, хоть это отрезвило бы наших солдат и прервало постыдное братание”.

На участке соседнего полка командующий был встречен... бравурным маршем германского егерского полка, к оркестру которого потянулись наши “братальщики”-солдаты. Генерал со словами “Это измена!” повернулся к стоящему рядом с ним офицеру, приказав передать “братальщикам” обеих

сторон, что, если немедленно не прекратится позорнейшее явление, он открывает огонь из орудий. Дисциплинированные германцы прекратили игру... и пошли к своей линии окопов, по-видимому, устыдившись мерзкого зрелища. А наши солдаты – о, они долго еще митинговали, жалуясь на “притеснения контрреволюционными начальниками их свободы”.

Через несколько дней после вступления в должность Л. Г. Корнилов получает рапорт капитана М. О. Неженцова с рядом соображений о мерах оздоровления Армии. Этому молодому офицеру генерал и поручает формирование ударного отряда, вскоре развернутого в полк, получивший название Корниловского. Он должен был стать сплоченной и организованной частью, способной своим примером внести перелом в настроениях на фронте. Таковую же роль играл и Текинский конный полк.

Почти ежедневно приходится Корнилову бывать в частях с разъяснениями о необходимости соблюдать дисциплину. В отношении солдатских комитетов генерал занимает жесткую позицию, всячески стараясь вводить их в рамки законности и внушая, что главнейшая их задача – не вмешательство в вопросы перемещения командного состава, а подъем наступательного духа войск.

18 июня 1917 года Юго-Западный фронт начал наступление. XI-я и VII-я армии продвинулись вглубь обороны противника на два километра и стали топтаться на месте. Солдаты замитинговали. Действовавшая по замыслу командования на второстепенном направлении VIII-я армия перешла в наступление три дня спустя. В шестидневных боях она под командованием Л. Г. Корнилова продвинулась на 18–20 километров, потеряв около 15 000 человек и взяв значительные трофеи: 800 офицеров и 36 000 солдат пленными, 127 орудий и минометов, 403 пулемета. Но и на фоне такого впечатляющего успеха Юго-Западный фронт в целом продолжал разваливаться буквально на глазах. Части самовольно уходили с позиций, о власти и повиновении не было и речи. Толпы дезертиров тянулись на сотни верст в тыл... Нужен был новый руководитель, и выбор пал именно на генерала Корнилова, потому что в последние недели только он проявил способность управлять войсками.

27 июня 1917 года Л. Г. Корнилов был произведен в генералы-от-инфантерии, а 10 июля – назначен Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта, фактически исполняя эту должность уже с 7 июля.

Видя картины панического отступления частей, превосходящих врага по численности, Лавр Георгиевич принимает единственно верное, на его взгляд, решение – приказом от 8 июля он требует решительных действий, вплоть до расстрела дезертиров. Генерал уверен, что его поймут уставшие от беспорядков и анархии офицеры; тогда же он отправляет Верховному Главнокомандующему, военному министру и министру-председателю телеграмму, в которой обосновывает свои действия и предупреждает: «Иначе вся ответственность ляжет на тех, кто словами думают править на тех полях, где царит смерть и позор предательства, малодушия и себялюбия». С одобрения высшего командования Корнилов формирует особые отряды для борьбы с мародерами и дезертирами, запрещает митинги как незаконные сборища, подлежащие разгону силой оружия, а главное – требует восстановления смертной казни, отмененной 12 марта 1917 года Временным Правительством: «Армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царит сплошной

ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования... Меры правительственной кротости расшатали дисциплину, они вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдерживаемых масс. Эта стихия проявляется в насилии, грабежах и убийствах... Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценой гибели немногих изменников, предателей и трусов...»

Криком души патриота звучат слова Лавра Георгиевича: «Сообщаю вам, стоящим у кормила власти, что Родина действительно накануне безвозвратной гибели, что время слов, увещаний и пожеланий прошло, что необходима непоколебимая государственно-революционная власть. Я заявляю, что если Правительство не утвердит предлагаемых мной мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному назначению защиты Родины и Свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия командующего». В тот же день, не получив еще ответа от Правительства, он приказывает в случае самовольного ухода войск с позиций, не колеблясь, применять «огонь пулеметов и артиллерии».

9 июля министр-председатель А. Ф. Керенский одобрил все проводимые мероприятия, а 12 июля был получен его ответ о принципиальном принятии закона о смертной казни, что тотчас произвело отрезвляющее впечатление в армейской среде. Однако в тот же день, ввиду полной безнадежности положения фронта, был отдан приказ об отводе войск из Буковины и Галиции: к 21 августа войска Юго-Западного фронта вернулись на государственную границу России.

Но сам Корнилов по предложению Керенского к этому времени уже принимает пост Верховного Главнокомандующего. В своей телеграмме Временному Правительству генерал обуславливает свое согласие на принятие поста «ответственностью перед совестью и всем народом» и получает подтверждение права на проведение жесткой линии на фронте и в тылу и заверения в полном невмешательстве в его оперативные распоряжения и назначения высшего командного состава. Предложенная Л. Г. Корниловым программа стабилизации положения в России предполагала создание «армии в окопах, армии в тылу и армии железнодорожников»; по свидетельству генерала А. И. Деникина, Лавр Георгиевич «уже тогда видел в диктатуре единственный выход из положения».

С назначением Л. Г. Корнилова на пост Верховного, в Ставку, располагавшуюся в Могилеве, началось буквально паломничество представителей различных патриотических организаций – Союза офицеров армии и флота, Союза казачьих войск, Союза Георгиевских кавалеров... Красноречивую телеграмму направил М. В. Родзянко: «Совещание общественных деятелей приветствует Вас, Верховного вождя Русской армии... В грозный час тяжелого испытания вся мыслящая Россия смотрит на Вас с надеждой и верой. Да поможет Вам Бог в вашем великом подвиге на воссоздание могучей армии и спасение России».

На посту Верховного Главнокомандующего Корнилов был нужен Керенскому как популярная и сильная личность, способная пресечь деятельность лево-экстремистских движений в стране и стабилизировать политическую ситуацию. Но и Керенский нужен был Корнилову как государственный гарант, «легализующий» действия Верховного по наведению порядка и установлению твердой власти. Безусловно, каждый имел и свои собственные интересы в таком альянсе.

3 августа они встречаются в Зимнем дворце, и генерал передает министру-председателю доклад с изложением необходимых, на его взгляд, первоочередных законодательных преобразований. Корнилов считает обязательным признание Временным Правительством вины в оскорблении, унижении и сознательном лишении прав и значимости российского офицерства. Он полагает, что функции военного законотворчества должны быть переданы в руки Верховного Главнокомандующего, видит необходимым «изгнать из армии всякую политику, уничтожить право митингов», отменить Декларацию прав солдата, убрать комиссаров и распустить войсковые комитеты. Не найдя взаимопонимания и почувствовав враждебность обстановки, Корнилов возвращается в Ставку, однако мысли его, став известными газетчикам, вызвали антикорниловскую шумиху в той части прессы, которая опасалась надвигающейся угрозы левым силам и наведения порядка в стране.

14 августа легендарный генерал приезжает в Москву на проходящее там Государственное Собрание. На вокзале он был встречен почетным караулом и оркестром от Александровского военного училища, депутациями военнопатриотических организаций, членами Государственной Думы и целым рядом генералов и высокопоставленных лиц. После краткого митинга поднятый на руки офицерами и под восторженные крики пронесенный до своего автомобиля, генерал Л. Г. Корнилов приветствует москвичей. Машина его была завалена цветами. Приказав их убрать, Лавр Георгиевич замечает: «Я не те-нор, и цветов мне не нужно; если же вы хотите украсить автомобиль, то украшайте Георгиевским флагом, на что я имею право как Главнокомандующий».

На другой день ему как «первому солдату революции» предоставили слово на Государственном Собрании. Как вспоминал позже лидер конституционно-демократической партии П. Н. Милюков, «низенькая, приземистая, но крепкая фигура человека с калмыцкой физиономией, с острым пронизывающим взглядом маленьких черных глаз, в которых вспыхивали злые огоньки, появилась на эстраде. Почти весь зал встал, бурными аплодисментами приветствуя Верховного. Не поднялась только немногочисленная левая сторона. С первых скамей туда яростно кричали: “Хамы! Встаньте”. Оттуда несло презрительное: “Холопы!” Председательствующему с трудом удалось восстановить тишину в зале». Л. Г. Корнилов говорит о развале Армии и восстановлении дисциплины на фронте и порядка в тылу...

«Я ни одной минуты не сомневаюсь, что эти меры будут приняты безотла-зательно. Но невозможно допустить, чтобы решимость проведения в жизнь этих мер каждый раз совершалась под давлением поражений и уступок отече-ственной территории. Если решительные меры для поднятия дисциплины на фронте последовали как результат Тарнопольского разгрома и утраты Гали-ции и Буковины, то нельзя допустить, чтобы порядок на железных дорогах был восстановлен ценою уступки противнику Молдавии и Бессарабии.

...Я верю в светлое будущее нашей Родины, и я верю в то, что боеспособ-ность нашей армии, ее былая слава будут восстановлены. Но я заявляю, что времени терять нельзя, что нельзя терять ни одной минуты. Нужны реши-мость и твердое, непреклонное проведение намеченных мер».

* * *

После Государственного Собрания, показавшего слабость Правительст-ва, в ближайшем окружении Корнилова возникают мысли о военном перево-роте. Во главе страны предполагается поставить так называемый Совет народ-

ной обороны (председатель – Л. Г. Корнилов, заместитель председателя – А. Ф. Керенский). Подавление экстремистских революционных сил планировалось на 27 августа, день «полугодовщины» революции, для чего в столицу следовало ввести III-й конный корпус и Туземную дивизию, которые впоследствии должны были стать основой Отдельной Петроградской армии, подчиненной непосредственно Ставке. Свои намерения Корнилов объясняет Временному Правительству необходимостью немедленной «расчистки» столицы от запасных частей, совершенно разложившихся под влиянием демократической вседозволенности и большевистской пропаганды. Керенский согласился с этими намерениями, тем более что 21 августа дезорганизованные русские войска сдали Ригу. Развал армии продолжался.

23 августа в Ставку прибыл управляющий военным министерством Б. В. Савинков, заверивший генерала Корнилова в одобрении Временным Правительством его проекта. Вечером следующего дня Корнилов назначает генерала А. М. Крымова командующим Отдельной армией в Петрограде, генерала П. Н. Краснова – командующим III-м конным корпусом, отдает приказ о снятии с фронта преданных ему войск и концентрации их в районе Луги. 26 августа Верховный телеграфирует Савинкову: «Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28 августа. Я прошу объявить Петроград на военном положении 29 августа».

Однако В. Н. Львов, бывший «революционный» обер-прокурор Святейшего Синода и будущий член «Союза воинствующих безбожников», выступавший в те дни посредником между Корниловым и Временным Правительством, доложил А. Ф. Керенскому требования генерала в искаженном виде: «Первое – генерал Корнилов предлагает объявить Петроград на военном положении. Второе – передать всю власть военную и гражданскую в руки Верховного главнокомандующего. Третье – уходят в отставку все министры, не исключая и министра-председателя, временное управление министерствами передается товарищам министров впредь до образования кабинета Верховным главнокомандующим». А опубликованные воспоминания В. Н. Львова пролили свет на некоторые неизвестные обстоятельства так называемого «мятежа Корнилова».

«Керенский дал мне категорическое поручение представить ему из Ставки и от общественных организаций требования о реконструкции власти в

смысле ее усиления, — рассказывал «посредник». — Для исполнения этого поручения я и поехал в Ставку. В Могилеве я говорил с Корниловым, указав на данное мне поручение. Мы беседовали с ним о реконструкции власти. Детали ее уже не помню, потому что измучен перенесенными волнениями.

Никакого ультимативного требования Корнилов мне не предъявлял. У нас была просто беседа, во время которой обсуждались разные пожелания в смысле усиления власти. Эти пожелания я и высказал Керенскому. Никакого ультимативного требования я не предъявлял и предъявить не мог, а он потребовал, чтобы я изложил свои мысли на бумаге. Я это сделал, а он меня арестовал. Я не успел даже прочесть написанную мной бумагу, как он, Керенский, вырвал у меня и положил в карман».

Уже утром 27 августа в экстренных выпусках некоторых газет была поднята истерическая шумиха: Л. Г. Корнилова именовали не иначе как государственным изменником. Керенский по телеграфу приказывает Лавру Георгиевичу сложить с себя обязанности Верховного Главнокомандующего. Генерал отказывается это сделать, и 28 августа Временное Правительство устами министра путей сообщения Н. В. Некрасова объявляет генерала мятежником. Ответ Корнилова следует незамедлительно:

«Казаки, дорогие станичники! Не на костях ли Ваших предков расширялись и росли пределы Государства Российского. Не Вашей ли могучей доблестью, не Вашими ли подвигами, жертвами и героизмом была сильна Великая Россия. Вы — вольные, свободные сыны Тихого Дона, красавицы Кубани, буйного Терека, залетные могучие орлы Уральских, Оренбургских, Астраханских, Семиреченских и Сибирских степей и гор и далеких Забайкалья, Амура и Уссури, всегда стояли на страже чести и славы Ваших знамен, и Русская земля полна сказаниями о подвигах Ваших отцов и дедов. Ныне настал час, когда Вы должны прийти на помощь Родине. Я обвиняю Временное Правительство в нерешительности действий, в неумении и неспособности управлять, в допущении немцев к полному хозяйничанью внутри нашей страны, о чем свидетельствует взрыв в Казани, где взорвалось около миллиона снарядов и погибло двенадцать тысяч пулеметов; более того, я обвиняю некоторых членов Правительства в прямом предательстве Родины, и тому привожу доказательства: когда я был на заседании Временного Правительства в Зимнем Дворце 3 августа, Министр Керенский и Савинков сказали мне, что нельзя всего говорить, так как среди министров есть люди неверные.

Ясно, что такое Правительство ведет страну к гибели, что такому Правительству верить нельзя и вместе с ним не может быть спасения несчастной России. Поэтому, когда вчера Временное Правительство, в угоду врагов, потребовало от меня оставления должности Верховного Главнокомандующего, я, как казак, по долгу совести и чести вынужден был отказаться от исполнения этого требования, предпочитая смерть на поле брани — позору и предательству Родины. Казаки, рыцари Земли Русской. Вы обещали встать вместе со мной на спасение Родины, когда я найду это нужным. Час пробил, Родина — накануне смерти. Я не подчиняюсь распоряжениям Временного Правительства, и ради спасения Свободной России иду против него и против тех безответственных советников его, которые продают Родину. Поддержите, казаки, честь и славу беспримерно доблестного казачества, и этим Вы спасете Родину и Свободу, завоеванную Революцией. Слушайте же и исполняйте мои приказания. Идите же за мной.

Верховный Главнокомандующий Генерал Корнилов».

На следующий день, 29 августа, было опубликовано его «Обращение к народу»:

«Я, Верховный Главнокомандующий Генерал Корнилов, пред лицом всего народа объявляю, что долг солдата, самопожертвование гражданина Свободной России и беззаветная любовь к Родине заставили меня в эти грозные минуты бытия Отечества не подчиниться приказанию Временного Правительства и оставить за собою Верховное Командование народными армиями и флотом.

Поддержанный в этом решении всеми Главнокомандующими фронтов, я заявляю всему Народу Русскому, что предпочитаю смерть отстранению меня от должности Верховного.

Истинный сын Народа Русского всегда погибает на своем посту и несет в жертву Родине самое большое, что он имеет, — свою жизнь.

В эти, поистине ужасающие, минуты существования Отечества, когда подступы к обеим столицам почти открыты для победного шествия торжествующего врага, Временное Правительство, забывая великий вопрос самого независимого существования страны, кидает в народ призрак страха контрреволюции, которую оно само своим неумением к управлению, своею слабостью во власти, своею нерешительностью в действиях вызывает к скорейшему воплощению.

Не мне ли, кровному сыну своего Народа, всю жизнь свою на глазах всех отдавшего на беззаветное служение Ему, стоять на страже великих свобод, великого будущего своего Народа!

Но ныне будущее это в слабых, безвольных руках; надменный враг, посредством подкупа и предательства распоряжающийся у нас в стране, как у себя дома, несет гибель не только свободе, но и существованию Народа Русского.

Очнитесь, люди русские, от безумия ослепления и взгляните в бездонную пропасть, куда стремительно идет наша Родина! Избегая всяких потрясений, предупреждая какое-либо пролитие русской крови в междоусобной брани и забывая все обиды и все оскорбления, я перед лицом всего народа обращаюсь к Временному Правительству и говорю: “Приезжайте ко мне в Ставку, где свобода Ваша и безопасность обеспечены моим честным словом, и совместно со мной выработайте и образуйте такой состав Правительства Народной Обороны, который, обеспечивая победу, вел бы Народ Русский к великому будущему, достойному могучего свободного народа”.

Верховный Главнокомандующий Генерал Корнилов».

Не менее впечатляюще и пророчески звучат и слова еще одного из воззваний генерала:

«Русские Люди! Великая Родина наша умирает. Близок час кончины. Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большинства Советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, идите в храмы, молитесь Господа Бога об объявлении величайшего чуда, спасения родимой земли!

Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни. Предать же Россию в руки ее исконного врага – германского племени и сделать русский народ рабами немцев я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама русской земли. Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!»

Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего, генерал А. С. Лукомский, которому Керенским было приказано вступить в должность Верховного, также отказался исполнить это распоряжение, телеграфировав министру-председателю: «Считаю долгом совести, имея в виду лишь пользу Родины, заявить, что теперь остановить начавшееся с Вашего же одобрения дело невозможно, и это поведет лишь к гражданской войне, окончательному разложению армии и позорному сепаратному миру, следствием чего, конечно, не будет закрепление завоеваний революции. Ради спасения России Вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его. Смещение генерала Корнилова поведет за собой ужасы, которых Россия еще не переживала. Я лично не могу принять на себя ответственности за армию, хотя бы на короткое время, и не считаю возможным принимать должность от генерала Корнилова, ибо за этим последует взрыв в армии, который погубит Россию».

29 августа указом Временного Правительства Л. Г. Корнилов был отстранен от должности Верховного Главнокомандующего «с преданием суду за мятеж». Воззвания генерала не дошли ни до армии, ни до широких слоев населения России – телеграф был в руках Правительства. Керенский обратился к большевикам с просьбой встать на защиту революции, и те тотчас откликнулись, стремясь, естественно, к достижению своих целей. Навстречу войскам генерала Крымова были высланы агитаторы. Пришло известие об аресте в Бердичеве Главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала А. И. Деникина и его ближайших сотрудников, выразивших Корнилову свою полную поддержку. Был смещен Главнокомандующий Северным фронтом генерал В. Н. Клембовский. Главнокомандующий Западным фронтом генерал П. С. Балув и помощник Главнокомандующего Румынским фронтом² генерал Д. Г. Щербачев поддерживали Временное Правительство. 31 августа на своей петроградской квартире застрелился генерал Крымов, явившийся к Керенскому с объяснениями. Существует, однако, и версия об убийстве Крымова...

Оставшийся в одночасье почти в одиночестве, генерал Корнилов стоял на грани самоубийства, но внял увещаниям жены в том, что он не имеет права бросать тысячи поверивших ему офицеров и должен продолжить борьбу.

«Дальнейшее сопротивление было бы глупо и преступно, – сказал Верховный Лукомскому после получения известий о предстоящем прибытии в Ставку генерала М. В. Алексеева. – Пойдите на телеграф, заявите, что я и Вы подчинимся генералу Алексееву, и ему в Ставке не угрожают никакие неприятности...» И 2 сентября приехавший в Могилев Алексеев объявил об аресте Корнилова и его сподвижников. После первых допросов Лавру Георгиевичу было предложено письменно изложить свои показания, а уже 5 сентября доклад по «делу Корнилова» был готов.

«Постановлением Временного правительства от 29 августа генерал Корнилов предан суду за мятеж. Принимая во внимание, что в уголовных за-

конах отсутствует юридическое определение мятежа, комиссия обсудила вопрос о возможности предания генерала Корнилова военно-революционному суду.

Согласно постановлению Временного правительства об учреждении военно-полевых судов от 12 июля сего года, генерал Корнилов мог бы быть предан этому суду лишь в случае предъявления ему обвинений в военной или государственной измене или в явном восстании.

Обвинение в государственной измене могло бы иметь место лишь при наличии у генерала Корнилова намерения способствовать или благоприятствовать неприятелю в его военных или враждебных против России действиях или при допущении им таких деяний, которые могли бы способствовать неприятелю в его военных операциях. В добытом комиссией материале данных, изобличающих генерала Корнилова в намерении способствовать неприятелю, совершенно не имеется. Напротив, из обзора всех его распоряжений, относящихся к соответствующему периоду времени, и его объяснений следует, что все его действия имели своей целью успешную борьбу с неприятелем.

Что касается обвинения генерала Корнилова в измене при наличии эвентуального умысла, то комиссия полагает, что такое могло бы иметь место при условии фактического ослабления им фронта взятием с него войск для внутренней борьбы в Петрограде и оставления им армий без оперативного руководства в последних числах августа.

При исследовании этого вопроса оказалось: для направления на Петроград были предназначены 3-й конный корпус и Курляндский уланский полк; гарнизон Могилева был усилен Корниловским ударным полком и двумя Польскими легионами. Из имеющихся в деле официальных документов видно, что 3-й конный корпус был двинут к Петрограду по требованию Временного правительства; Корниловский ударный полк был взят не с фронта, а с тыла из Проскурова во время его укомплектования; Польские легионы взяты также с тыла, а уланский полк, по имеющимся сведениям, посылался по указанию управляющего делами военного министерства Савинкова.

Что же касается вопроса об оставлении армий без оперативного руководства, то такое руководство продолжалось непрерывно, за исключением Румынского фронта, который 30 августа сам прервал связь со Ставкой по распоряжению военно-революционного комитета этого фронта. Таким образом, для обвинения генерала Корнилова в измене не имеется данных.

Вторым основанием для предания генерала Корнилова военно-революционному суду могло бы быть обвинение его в явном восстании...

Как видно из положения 110-й статьи в Воинском уставе о наказаниях, находящейся в главе о нарушении воинского чинопочитания и подчиненности, – статьей этой предусматриваются нарушения, направленные против воинской дисциплины. Хотя, согласно 20-й статьи Положения о полевом управлении войск в военное время, верховный главнокомандующий и находится в исключительном и непосредственном подчинении Временному правительству, однако комиссия полагает, что это подчинение является только политическим, и дисциплинарных отношений – в смысле воинском – между ними не существует. Такой взгляд подтверждается и самим наименованием “Верховный Главнокомандующий”.

...Ввиду изложенного и на точном основании закона от 12 июля 1917 года об учреждении военно-революционных судов дело о генерале Корнилове военно-революционному суду не подсудно. Не подсудно оно и военно-окружному

Генерал Л.Г. Корнилов с Б.С. Савинковым, лето 1917 год

или корпусному суду ввиду того, что город Могилев не находится в войсковом районе театра военных действий, а подлежит на общем основании направиению в суд гражданского ведомства после производства предварительного следствия».

Пребывание арестованных в Могилеве стало тревожить Временное Правительство, так как в городе находился Корниловский ударный полк. Он был отправлен на Юго-Западный фронт, а пленников перевели в Быхов и поместили в здание женской гимназии под охрану Текинского конного полка и караула Георгиевского батальона в количестве 50 человек. Фактически к заключенным допускались все желающие, потому они были в курсе всего, что творилось на фронте и в Ставке.

В Быхове по «делу Корнилова» находились под арестом, кроме самого Лавра Георгиевича, генералы: А. С. Лукомский, начальник Штаба Верховного; А. И. Деникин, Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта; С. Л. Марков, начальник Штаба Юго-Западного фронта; И. Г. Эрдели, командующий Особой армией; Г. М. Ванновский, командующий I-й армией; И. П. Романовский, 1-й генерал-квартирмейстер Штаба Верховного; Е. Ф. Эльснер, начальник снабжения Юго-Западного фронта; Кисляков, товарищ министра путей сообщения; М. И. Орлов, генерал-квартирмейстер Штаба Юго-Западного фронта; подполковники Новосильцев и Пронин, капитаны Ряснянский, Роженко и Брагин, есаул Родионов, штабс-капитан Чунихин, поручик Чешских войск Клецанда, прапорщики Никитин и Иванов, военный чиновник Будилович, сотрудник газеты «Новое Время» Никаноров и бывший член 1-й Государственной Думы А. Ф. Аладьин.

25 октября Временное Правительство было свергнуто большевиками. После бегства А. Ф. Керенского, формально являвшегося Верховным Главнокомандующим, на этом посту остался начальник Штаба Верховного, генерал Н. Н. Духонин. Именно к нему обращается с письмом Корнилов: «Вас судьба поставила в такое положение, что от Вас зависит изменить исход событий, принявших гибельное для страны и армии направление, главным образом благодаря нерешительности и попустительству старшего командного состава. Для Вас наступает минута, когда люди должны или дерзать, или уходить, иначе на них ляжет ответственность за гибель страны и позор за окончательный развал армии. По тем неполным отрывочным сведениям, которые доходят до меня, положение тяжелое, но еще не безвыходное. Но оно может стать таковым, если Вы допустите, что Ставка будет захвачена большевиками, или же добровольно признаете их власть».

Духонин выполнил лишь одно из прозвучавших в письме условий: признать большевиков отказался, но воспрепятствовать захвату и разгрому ими Ставки не сумел. Однако перед зарождающимся Белым движением у него есть и неоценимая по своим последствиям заслуга: 19 ноября 1917 года по приказу генерала Духонина были освобождены и тем самым спасены от грозившего им самосуда генерал Корнилов и его соратники, а в ночь на 20-е Текинский конный полк во главе с Лавром Георгиевичем походным порядком выступил на Дон. Буквально на следующий день явившейся в Могилев революционной толпой во главе с новым «Главковерхом», бывшим прапорщиком Н. В. Крыленко, Николай Николаевич Духонин был схвачен и зверски растерзан. Обеспокоенный «бегством корниловцев» Крыленко потребовал от всех телеграфных станций примыкавшего к Быхову района сообщать в Ставку о движении конницы во главе с Л. Г. Корниловым.

По оплошности командира полка всадники-текинцы не имели ни теплой одежды, ни рукавиц, ни карт, ни врача, ни перевязочных средств. Обоз, состоявший из «революционизированных» солдат, дезертировал. Полк остался без провизии, патронов и снаряжения. Идя лесами и болотами, окруженный враждебно настроенным населением, он был заведен изменником-проводником в засаду и понес потери. У станции Унеча полк был обстрелян большевистскими бронепоездами, под генералом Корниловым была убита лошадь, текинцы потеряли более половины состава. Полк буквально таял, люди и лошади страдали от холода и голода. Полагая, что одним текинцам продолжать путь будет безопаснее, 30 ноября в деревне Нагара генерал отпустил своих боевых соратников, сняв с них клятву верности. Затем, переодевшись в крестьянскую одежду, с поддельным паспортом он вынужден был продолжать путь инкогнито. 6 декабря генерал Л. Г. Корнилов поездом прибыл в Новочеркасск.

Остатки Текинского полка продолжали двигаться на юг, и в начале января на Дон прибыли сорок всадников, а позже семеро офицеров полка. Корнилов поблагодарил их за службу и отпустил домой. Только шестеро текинцев, один киргиз и четверо офицеров вступили в Добровольческую Армию и были в конвое генерала до самой его смерти. После Кубанского похода в Ростов прибыло еще около шестидесяти текинцев, освобожденных из большевистских тюрем немцами. Отдохнув, все они вернулись домой.

По прибытии на Дон Л. Г. Корнилов возглавляет начатые там генералом М. В. Алексеевым первые белые вооруженные формирования, хотя можно

представить себе всю сложность взаимоотношений этих людей после стольких событий и взаимных предубеждений... Сам Корнилов в мыслях стремится за Урал. «Сибирь я знаю, в Сибирь я верю; я убежден, что можно будет поставить дело широко. Здесь же с делом легко справиться и один генерал Алексеев. Я убежден, что долго здесь оставаться я буду не в силах. Жалею только, что меня задерживают теперь и не пускают в Сибирь, где необходимо начинать работу возможно скорей, чтобы не упустить время», – говорит генерал.

Почти по всей стране были разосланы письма, командированы делегаты в Сибирь, Нижний Новгород, Самару, Астрахань, Царицын с целью организовать антибольшевицкие выступления для восстановления порядка. Важным основополагающим моментом для всего Белого Дела стало проходившее в конце декабря совещание представителей «Московского Центра», образованного осенью 1917 года торговопромышленниками, представителями либерально-буржуазных кругов (в первую очередь – кадетской партии), «совета общественных организаций» и части генералитета. Принципиальным был вопрос о существовании, обеспечении и управлении «Алексеевской организации», сохранении единства рядов и определении ролей ее лидеров – М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова. Именно по настоянию «Московского Центра» Корнилов отказался от мысли перенести работу в Сибирь, два генерала продолжили свое сотрудничество, несмотря на сохранившиеся разногласия и личную неприязнь. Оба они и Донской Атаман генерал А. М. Каледин должны были действовать согласованно и лишь тогда могли рассчитывать на поддержку. На этих же условиях обещали денежную помощь представители союзных держав – Англии и Франции. В результате Алексеев принял на себя заведывание финансами и решение вопросов внутренней и внешней политики, а Корнилов – руководство войсками.

После Рождества «Алексеевская организация» приняла название Добровольческой Армии, а 27 декабря генерал Л. Г. Корнилов возглавил ее. Генерал А. П. Богаевский вспоминал позже, что «командующий в тот день был в штатском костюме и имел вид не особенно элегантный. Криво повязанный галстук, потертый пиджак и высокие сапоги делали его похожим на мелкого приказчика. Ничто не напоминало в нем героя двух войн, кавалера двух степеней ордена Святого Георгия, человека исключительной храбрости и силы воли. Маленький, тощий, с лицом монгола, плохо одетый, он не представлял собой ничего величественного и воинственного. Вместе с тем Лавр Георгиевич с надеждою смотрел в будущее и рассчитывал, что казачество примет деятельное участие в формировании Добровольческой армии».

Однако становление и формирование Армии шло медленно. В основном записывались офицеры, юнкера, кадеты, гимназисты и студенты. Оклады были крайне низки, что обуславливалось скудной казной. К концу января вся Армия, включая небоевой состав, не превышала 5000 человек, хотя ее Главнокомандующий планировал в ближайшем будущем удвоить это число. Армия состояла из прибывшего с фронта Корниловского ударного полка, остатков переведенного из Киева Георгиевского полка, юнкерского и нескольких офицерских батальонов, четырех артиллерийских батарей, инженерной и даже морской роты.

Уже в начале января 1918 года красные повели наступление на Ростов и Новочеркасск, и практически все кадры белых были двинуты на фронт. Донские казаки отказались воевать, и по просьбе А. М. Каледина на Новочеркасское направление был переброшен 2-й Офицерский батальон.

Штаб Армии и большинство ее частей перебазировались в Ростов-на-Дону. По словам А. И. Деникина, Корнилов считал харьковско-ростовское направление стратегически важным и взял его под контроль, поскольку оно оказалось брошенным Донцами. Кроме того, переезд позволял отмежеваться от Донского Правительства и собравшихся в Новочеркасске политических деятелей, которые раздражали Лавра Георгиевича. Наконец, в Ростовском и Таганрогском округах казачество не составляло абсолютного большинства, что облегчало взаимоотношения командования Добровольцев с местными властями.

Буквально каждый день пребывания в Ростове был расписан у Корнилова по часам. К нему стремятся многочисленные посетители. Как вспоминал офицер-Доброволец, «что приятно поражало всякого при встрече с Корниловым — это его необыкновенная простота. В Корнилове не было ни тени, ни намека на бурбонство, так часто встречаемое в армии. В Корнилове не чувствовалось Его Превосходительства, генерала-от-инфантерии. Простота, искренность, доверчивость сливались в нем с железной волей, и это производило чарующее впечатление. В Корнилове было “героическое”. Это чувствовали все и потому шли за ним слепо, с восторгом, в огонь и в воду». Среди достоинств генерала современники выделяли еще и «отсутствие в нем корыстолюбия. Чрезвычайно умеренный в своих привычках, равнодушный не только к роскоши, но даже к простому комфорту, он не чувствовал потребности в деньгах и посреди той вакханалии остался безупречным до конца». Тогда же, в январе, был составлен проект так называемой «Политической программы генерала Корнилова», подписанный самим Лавром Георгиевичем и содержащий следующие «общие основания»:

«1. Восстановление прав гражданства: все граждане равны перед законом без различия пола и национальности, уничтожение классовых привилегий, сохранение неприкосновенности личности и жилища, свобода передвижений, местожительства и проч.

2. Восстановление в полном объеме свободы слова и печати.

3. Восстановление свободы промышленности и торговли, отмена национализации частных финансовых предприятий.

4. Восстановление права собственности.

5. Восстановление русской армии на началах подлинной военной дисциплины. Армия должна формироваться на добровольческих началах (по принципу английской армии), без комитетов, комиссаров и выборных должностей.

6. Полное исполнение всех принятых Россией союзных обязательств международных договоров. Война должна быть доведена до конца в тесном единении с нашими союзниками. Мир должен быть заключен всеобщий и почетный, на демократических принципах, т. е. с правом на самоопределение поработенных народов.

7. В России вводится всеобщее обязательное начальное образование с широкой местной автономией школы.

8. Сорванное большевиками Учредительное Собрание должно быть созвано вновь. Выборы в Учредительное Собрание должны быть произведены свободно, без всякого давления на народную волю и во всей стране. Личность народных избранников священна и неприкосновенна.

9. Правительство, созданное по программе ген[ерала] Корнилова, ответственно в своих действиях только перед Учредительным Собранием, коему

оно и передаст всю полноту государственно-законодательной власти. Учредительное Собрание, как единственный хозяин Земли Русской, должно выработать основные законы русской конституции и окончательно сконструировать государственный строй.

10. Церковь должна получить полную автономию в делах религии. Государственная опека над делами религии устраняется. Свобода вероисповеданий осуществляется в полной мере.

11. Сложный аграрный вопрос представляется на разрешение Учредительного Собрания. До разработки последним в окончательной форме земельного вопроса и издания соответствующих законов, всякого рода захватно-анархические действия граждан признаются недопустимыми.

12. Все граждане равны перед судом. Смертная казнь остается в силе, но применяется только в случаях тяжчайших государственных преступлений.

13. За рабочими сохраняются все политико-экономические завоевания революции в области нормировки труда, свободы рабочих союзов, собраний и стачек, за исключением насильственной социализации предприятий и рабочего контроля, ведущего к гибели отечественной промышленности.

14. Генерал Корнилов признает за отдельными народностями, входящими в состав России, право на широкую местную автономию, при условии, однако, сохранения государственного единства. Польша, Украина и Финляндия, образовавшиеся в отдельные национально-государственные единицы, должны быть широко поддержаны Правительством России в их стремлениях к государственному возрождению, дабы этим еще более спаять вечный и несокрушимый союз братских народов».

Уже в январе 1918 года все железнодорожные пути, ведущие на Дон, оказались в руках красных, что резко сократило приток добровольцев, пробиравшихся буквально со всех концов страны. Корнилов рассчитывал на помощь горцев, посылая на Кавказ своих эмиссаров с соответствующими поручениями, но переговоры шли крайне тяжело — требовались большие суммы денег для выплаты наемникам. А тем временем красные овладели Батайском и Таганрогом, беря Ростов в клещи. Появилась советская конница и со стороны Донецкого бассейна. В этих условиях дальнейшее пребывание Добровольческой Армии на Дону становилось крайне опасным, и генерал Корнилов принял решение уходить на Кубань. Он надеялся, что в тамошних станицах все же будет услышан его призыв и казаки поддержат Добровольческую Армию.

Л. Г. Корнилов распоряжается взять ценности Ростовского отделения Государственного банка, но, прислушавшись к мнению генералов М. В. Алексева, А. И. Деникина и И. П. Романовского, решает не бросать тень на доброе имя Добровольческой Армии и считает более разумным передать деньги Дон-

скому Правительству (которое, впрочем, не сумеет распорядиться ими, и все достанется большевикам).

В снежное морозное утро, в 4 часа 15 минут 9 февраля 1918 года Л. Г. Корнилов – теперь он в генеральской форме, – опираясь на палку, в сопровождении штабной роты покидает Штаб Добровольческой Армии, находившийся в доме купца Н. Е. Парамонова на Пушкинской улице Ростова. Весь первый этап пути до станицы Аксайской Корнилов проходит пешком. По дороге к нему присоединяются снимающиеся по очереди с фронта воинские части. Начинается 80-дневный поход в неизвестность, позже названный «Ледяным». До гибели Лавра Георгиевича оставалось менее двух месяцев...

* * *

Первая остановка – станица Аксайская, вторая – Ольгинская, где Армия получила несколько дней передышки и была переформирована. Пехота сводилась в три полка: Корниловский ударный под командованием полковника М. О. Неженцова (около 1000 штыков), в который были включены остатки Георгиевцев и партизанский отряд полковника Симановского; Партизанский – генерала А. П. Богаевского (около 1000 штыков), сведенный из донских партизанских отрядов; Офицерский – генерала С. Л. Маркова (750 штыков), включавший три офицерских батальона, Кавказский кавалерийский дивизион полковника Ширяева и Морскую роту. Кроме того, отдельными оставались Юнкерский батальон, объединенный с Ростовским студенческим полком генерала А. А. Боровского под его командой, и Чехословацкий батальон под командованием капитана Неметчика. Конница объединялась в три дивизиона, насчитывавшие немногим более 800 шапек: полковника П. В. фон Глазенапа, полковника В. С. Гершельмана и подполковника Корнилова. Артиллерию составил дивизион из четырех двухорудийных батарей под командованием полковника Икишева. Из 3700 бойцов, находившихся в строю Добровольческой Армии, 2350 были офицерами. Среди них – 36 генералов, 242 штаб-офицера (20 из которых числились по Генеральному Штабу), 1848 обер-офицеров (штабс-капитанов – 251, поручиков – 394, подпоручиков – 535, прапорщиков, в том числе произведенных из юнкеров, – 668). В Армии было 165 женщин; три четверти из них составляли сестры милосердия, но были и женщины-добровольцы, многие из которых погибли смертью храбрых.

Немудрено, что проводимые реорганизации частей вызывали непонимание у смещенных начальников и неудовольствие в частях. Фактически командиры батальонов перешли на положение ротных начальников. Спешно укомплектовывались обозы, лошадей Добровольцы вынуждены были покупать у населения с большим трудом и за баснословную цену. Крестьяне уклонялись от продажи фуража, хлеба, скота, лошадей и провианта и предпочитали натуральный обмен на товары, которых у Добровольцев, конечно, не было. Мало было и денег в казне – 6 000 000 рублей кредитными билетами и казначейскими обязательствами. Думающий о будущем генерал Корнилов старался сохранить среди простых людей порядочное имя своей крохотной Армии и запретил реквизиции.

В Ольгинской адъютант генерала корнет Резак Бек Хаджиев по поручению Лавра Георгиевича купил в лавке по три аршина белой, синей и красной материи. Владелица лавки сшила из них трехцветный национальный флаг, под которым Добровольческая Армия и совершила свой легендарный Кубанский поход.

13 февраля на совещании командного состава Добровольческой Армии и покинувших Новочеркасск донских партизан генерала П. Х. Попова обсуждался план дальнейших действий. Добровольцы склонялись к продвижению на Екатеринодар. Во-первых, там также имелись добровольческие формирования, во-вторых, за счет Кубанского Казачьего Войска Армия могла пополнить ряды и усилить свое положение, чтобы продолжить оттуда борьбу с большевиками.

Сомнение выразил генерал Лукомский: «...При походе на Екатеринодар нужно будет 2 раза переходить железную дорогу – около станций Кагальницкой и Сосыка. Большевики, будучи отлично осведомлены о нашем движении, преградят там путь и подведут к месту боя бронированные поезда. Трудно будет спасти раненых, которых будет, конечно, много. Начинаясь распутица, при условии, что половина обоза на полозьях, затруднит движение. Заменять выбивающихся из сил лошадей другими будет трудно». Походный Атаман Донского Войска Попов предлагал перейти в Задонье, в район зимовников и здесь, в удалении от железных дорог, прикрываясь с севера рекой Доном, пополнить обоз, отдохнуть и поменять конский состав.

Но удобный для действий небольших партизанских групп степной район представлял трудности для единой Добровольческой Армии: удаленные друг от друга зимовники не обладали ни достаточным жильем, ни топливом и были пригодными лишь для отдельных отрядов. При отсутствии технических средств связи управление ими было бы затруднено. Степной район ничего, кроме немолотого зерна, сена и скота, для удовлетворения нужд армии дать не мог. Кроме того, не приходилось рассчитывать на то, что красные оставят Добровольческую Армию в покое и не попытаются уничтожить белых по частям. И несмотря на то, что партизаны Попова все-таки уходят в Задонье в так называемый «Степной поход», генерал Корнилов в итоге принимает непоколебимое решение о походе на Екатеринодар.

88 верст от Ольгинской до Егорлыцкой белые идут шесть дней. В походе генерал Корнилов занимается прежде всего сплочением войсковых соединений. А. И. Деникин в своих мемуарах описал общую обстановку и настроения в Добровольческих частях в это непростое для белых время: «...У Хомутовской Корнилов пропускает колонну. Маленькая фигура генерала уверенно и красиво сидит в седле на буланом английском коне. Он здоровается с проходящими частями. Отвечают радостно. Появление Лавра Георгиевича, его вид, его обращение вызывают у всех чувство приподнятости, готовности к жертвам. Корнилова любят, перед ним благоговейт».

В станице Егорлыцкой Добровольцев встретили достаточно приветливо. Многие семьи проявили заботу о раненых, снабдили войска продовольствием. На станичном сборе выступили М. В. Алексеев и Л. Г. Корнилов, разъяснив положение в России и цели Добровольческой Армии. Егорлыцкая была последней станицей Донской области. Войска приближались к пределам Ставропольской губернии, занятой частями ушедшей с фронта и большевизированной 39-й пехотной дивизии. Здесь еще не было Советской власти, но были местные Советы, анархия и ненависть к «кадетам», как называли противники всех белых. Генерал Корнилов требует ускорить движение, по возможности избегая боев.

С вступлением на территорию Кубанского Казачьего Войска Добровольческая Армия встречает во многих станицах весьма радушный прием. В ее ряды вливаются казачьи пополнения, – так, станица Незамаевская выставила

150 шашек, – а станичные сходы выражают преданность Корнилову... Однако так было не всегда и не везде. При подходе к станице Березанской авангард был встречен градом пуль. Огонь Добровольческой артиллерии и наступление пехотных цепей быстро охладили пыл станичников и заставили их разойтись.

Прошедшая уже почти 250 верст Добровольческая Армия старалась не сталкиваться с превосходящими силами красных. Кубанский Военно-революционный комитет располагал значительными силами под командованием бывшего хорунжего А. И. Автономова, и теперь Добровольцам предстояло вступать в более серьезные бои, одной из целей которых было пополнение боезапаса на складах, расположенных у железнодорожной магистрали Тихорецкая – Екатеринодар.

Как и предполагал Л. Г. Корнилов, бои оказываются крайне тяжелыми. Их участники вспоминают типичную картину: «Все, кроме командующего, ложатся и пытаются убедить его сделать то же самое. Тщетно...» Наступление вот-вот захлебнется. Откатывается назад под ударами превосходящих сил противника Корниловский полк... Патроны и снаряды на исходе; Верховный приказывает выдать последние. Увидев своего шефа стоящим под огнем в полный рост, Корниловцы невольно приостанавливаются и поворачиваются в контратаку...

Ценой невероятных усилий и огромных потерь Добровольцам удастся наконец захватить значительное количество боеприпасов. К ним присоединяется отряд в три сотни казаков из станицы Брюховецкой. И вдруг – известие о том, что в ночь на 1 марта отряд, сформированный Кубанским Правительством под командованием генерала В. Л. Покровского, вместе с Атаманом, Правительством и Законодательной Радой («кубанским парламентом») покинули Екатеринодар и ушли в Закубанье. Теперь терялся весь смысл операции.

«Если бы Екатеринодар держался, – говорит на совещании руководящего состава Добровольческой Армии Л. Г. Корнилов, – тогда не было бы других решений. Но теперь рисковать нельзя. Мы пойдем за Кубань и там в спокойной обстановке, в горных станицах и черкесских аулах, отдохнем, устроимся и выждем более благоприятных обстоятельств».

В ночь на 5 марта Добровольческая Армия скрытно двинулась на Усть-Лабинскую переправу. Отдых предполагался в станице Раздольной, однако с рассветом значительные силы красных под командованием бывшего подъяесаула И. Л. Сорокина, занявшие после ухода арьергарда станицу Кореновскую, стали теснить Партизан А. П. Богаевского. Обоз обстреливался вражеской артиллерией, подошедший бронепоезд осыпал белых шрапнелью... Однако Партизанский полк сумел ворваться на станцию и в станицу, сбил красных с их позиций, овладел мостом и перешел реку Кубань. Так с боями были пройдены еще 40 верст пути до станицы Некрасовской, которую большевики оставили без боя.

Тем временем значительные силы красных сосредоточились в Майкопе. Генерал Корнилов предпринял обманный маневр, дабы ввести противника в заблуждение. Перейдя реку Белую, Добровольческая Армия круто повернула на запад. По мнению Лавра Георгиевича, этот маневр позволял снизить активность врага, выводил Армию к черкесским аулам, создавал возможность соединиться с отошедшим на Горячий Ключ «Кубанским Правительственным Отрядом». Но и в дальнейшем Добровольческая Армия продолжала встречать ожесточенное сопротивление и нести страшные потери в кровопро-

литных боях. Один из таких крупных боев произошел 10 марта во время переправы через реку Белую. На непрерывный артиллерийский огонь красных белые отвечали редкими выстрелами – экономили боеприпасы. К вечеру установилось шаткое равновесие, которое чутко уловил Корнилов, используя этот момент для решительного наступления. По его приказу главные силы Добровольческой Армии перешли в контратаку на западном направлении, оттеснив красных. Добровольцы вышли из окружения и через трое суток были уже в ауле Шенджий, где встали на постой. А буквально на следующий день в сопровождении конвоя из кубанских казаков и кавказских всадников в аул прибыл командующий войсками Кубанского края генерал Покровский, отряд которого представлял значительную силу.

Командующим предстояло решить один главный вопрос – об объединении сил для совместных действий. Генерал Л. Г. Корнилов предложил кубанцам влиться в состав Добровольческой Армии, В. Л. Покровский же высказался за сохранение самостоятельности своего отряда, поскольку согласно «конституции» края кубанские власти хотели иметь свою армию. Он соглашался войти лишь в оперативное подчинение Корнилову. Как бы то ни было, медлить далее было нельзя, а потому 15 марта обозы кубанцев и Добровольцев были объединены в станице Калужской под небольшим прикрытием, основные же силы белых должны были в тот же день совместными усилиями захватить станицу Ново-Дмитриевскую, занятую крупной группировкой большевиков.

Путь к Ново-Дмитриевской оказался крайне тяжелым. Всю ночь лил дождь, к полудню пошел снег, подул северный ветер. На подходе к станице авангард был обстрелян боевым охранением красных. Поднявшаяся вода унесла мост. Едва нашли узкий брод глубиной в метр и под непрерывным огнем противника начали переправу. К вечеру опять подморозило, и люди и лошади стали покрываться ледяной коркой... Станица была взята, а славный переход и увенчавший его бой были впоследствии названы «Ледяным походом», и это имя перейдет на весь «анабазис» Добровольческой Армии.

Через день было собрано совещание с представителями Кубанского Правительства. Приехали Войсковой Атаман полковник А. П. Филимонов, председатель Кубанской Законодательной Рады Н. С. Рябовол, глава Правительства Л. Л. Быч. В длинных переговорах с кубанцами Л. Г. Корнилов пытался объяснить элементарные основы военной организации, те же ссылались на «конституцию суверенной Кубани», говорили о необходимости «автономной» армии как опоры Правительства. Но Лавр Георгиевич категорически отказался командовать разрозненными воинскими формированиями, а потому Правительство Кубани вынуждено было согласиться на объединение сил.

В результате Добровольческая Армия получила солидное пополнение, увеличившее ее численность до 6 000 бойцов. Проведя реорганизацию, генерал Л. Г. Корнилов разбил армию на три бригады. 1-ю бригаду возглавил генерал С. Л. Марков (Офицерский и 1-й Кубанский стрелковый полки, 1-я инженерная рота, 1-я и 4-я артиллерийские батареи). Во главе 2-й стал генерал А. П. Богаевский (Корниловский ударный и Партизанский полки, Пластунский батальон, 2-я, 3-я и 5-я батареи). Конную бригаду возглавил генерал И. Г. Эрдели (1-й Конный – из дивизионов Глазенапа и Гершельмана – и Кубанский конный полки, конная артиллерийская батарея). Эти силы, которым противостоит 60-тысячная екатеринодарская группировка красных с артиллерией и бронепоездами, и планирует бросить на штурм города генерал Корнилов. До его смерти остается немногим более десяти дней...

По замыслам Лавра Георгиевича, для обеспечения возможности переправы и пополнения боеприпасов за счет трофеев, необходимо было разбить отряды красных, расположенные южнее Екатеринодара. После этого внезапным ударом захватить станицу Елизаветинскую, где была паромная переправа и где белых менее всего могли ожидать. Затем перейти реку Кубань и атаковать Екатеринодар не позднее 28 марта.

Уже на подступах к городу, 30 марта генерал Корнилов созывает военный совет, на котором старается убедить соратников в необходимости решительного штурма Екатеринодара. На совете присутствовали генералы М. В. Алексеев, И. П. Романовский, С. Л. Марков, А. П. Богаевский, А. И. Деникин, полковник А. П. Филимонов. Добровольческая Армия к этому времени понесла серьезные потери. Катастрофический некомплект ее частей, недостаток боеприпасов, физическая утомленность людей ставили под угрозу реализацию корниловского плана. Боевой дух подрывали казаки, часть которых отказывалась воевать и возвращалась домой в станицы.

Тем не менее генерал Корнилов, надеясь на поддержку своих соратников, заявляет, что, несмотря на тяжелое положение Добровольческой Армии, не видит другого выхода из создавшегося положения, как на рассвете атаковать Екатеринодар. Сомнение выразил генерал М. В. Алексеев, предложив отложить штурм на сутки, чтобы произвести перегруппировку армии и дать войскам отдохнуть, а может быть, и дождаться пополнения от станичников, на подход которого сохранялась надежда. Лавр Георгиевич соглашается, понимая, что это только отдалит решающий час и ослабит накаленную до предела обстановку. До гибели Верховного остается лишь несколько часов...

Штурм Екатеринодара был назначен на 31 марта. Красное командование, несмотря на десятикратное численное превосходство, начало эвакуацию. Добровольцы подошли к окраинам. Генерал Б. И. Казанович во главе части Партизанского полка дошел даже до центра города, но, никем не поддержанный, отошел, захватив обоз и боеприпасы. Конница генерала Эрдели не смогла войти с тыла в город, и результат боя у Екатеринодарских садов оказался нерешительным, а станица Пашковская не выставила, вопреки данным ранее обещаниям, добровольцев-казаков. 30 марта в атаке был убит любимец Верховного, командир Корниловцев полковник М. О. Неженцов. Лавр Георгиевич был потрясен, угнетен и мрачен.

31 марта 1918 года... Это утро надолго останется в памяти у всех, кто находился тогда в рядах Добровольческой Армии. По воспоминаниям А. И. Деникина, «...генерал Корнилов был один в своей комнате, когда неприятельская граната пробила стену возле окна и ударилась об пол под столом, за которым он сидел: силой взрыва его подбросило, по-видимому, кверху и ударило о печку... Когда затем Казанович и Долинский (один из адъютантов Лавра Георгиевича. — *Е. К.*) вошли первыми в комнату, она была наполнена дымом, на полу лежал генерал Корнилов, покрытый обломками штукатурки и пылью. Он еще дышал... Кровь сочилась из небольшой ранки в виске и текла из пробитого правого бедра... Вначале смерть главнокомандующего хотели скрыть от армии до вечера. Напрасные старания: весть разнеслась словно по внушению... Скоро узнали все. Впечатление потрясающее. Люди плакали навзрыд, говорили между собой шепотом, как будто между ними незримо присутствовал властитель их дум. В нем, как в фокусе, сосредоточилось ведь все: идея борьбы, вера в победу, надежда на спасение. И когда его не стало, в сердца храбрых начали закрадываться страх и мучительное сомнение...»

Воспоминания Деникина, однако, неточны. Единственный свидетель гибели Верховного, его адъютант корнет Хаджиев, много лет спустя, уже в эмиграции, скрупулезно восстановил в памяти и опубликовал воспоминания о последних минутах жизни своего генерала. Нам они кажутся наиболее достоверным документальным свидетельством, а потому приводим их, исправляя ошибки генерала Деникина.

* * *

«31 марта 1918 года. В 6 часов утра Верховный вышел из дома, чтобы попрощаться с телом полковника Неженцева, привезенным ночью. Верховный и я прошли в рощу, где под молодой елкой на зеленой траве, покрытый полковым знаменем, лежал полковник Неженцев. Его длинное тело не все было покрыто знаменем, а только часть с головы до колен. Ноги его в мягких высоких сапогах, левый простреленный еще в боях под Корневской, оставались снаружи. У тела стоял часовой-Корниловец. Верховный, крупным шагом подойдя к Неженцеву, откинул угол знамени, закрывавший лицо, глянул на него и сказал: “Царство Небесное тебе, без страха и упрека честный патриот Митрофан Осипович”. Глаза Верховного в это время заблестели, впившись в лицо Неженцева. Лицо его было сперва бледное, а потом сразу приняло бронзовый цвет. После этого Верховный, круто повернувшись, приказал часовому: “Прикройте лицо”, и опять крупным шагом, опустив голову вниз и заложив обе руки назад, с суровым выражением лица направился в штаб.

В это время обстрел рощи участился. Снаряды беспрерывно рвались над ней. Линия их разрывов стала подходить к дому Верховного все ближе и ближе. Вот один из них, разорвавшись, убил трех казаков, чистивших пулемет у самого дома. Одного из казаков с раздробленной ногой Верховный приказал внести в домик, где рядом с комнатой Верховного находилась перевязочная комната, и приказал вызвать доктора, чтобы он помог раненому. “Ваше Высокопревосходительство, надо поторопиться с переводом штаба, так как большевики хорошо пристрелялись к роще. Вы видите их работу”, – указал я Верховному на умирающих в конвульсиях казаков. “А...” – произнес он и вошел в дом. Мне показалось, что он хотел отдать приказание о переводе штаба, но мгновенно забыл о нем. Войдя в свою комнату, опершись левым коленом на стул и схватившись руками за голову, он застыл над картой. Потом глубоко вздохнул. Вздох его был такой сильный и продолжительный, что мне казалось, воздуха Вселенной для него недостаточно.

Зайдя в свою комнату, я застал корнета Силаба Сердарова, текинца из конвоя, и генерала Деникина. Сердаров сидел на полу и ел откуда-то добытый белый хлеб, половину из которого он уступил мне. Разговорились мы по-текински полушепотом и старались не мешать генералу Деникину, который в это время лежал на кровати на голых досках, положив под голову свою серую барашковую шапку. Он хмуро и сосредоточенно глядел в потолок и о чем-то думал. “Ну что, хан, обстрел ослабевает?” – спросил он меня, не отрываясь от той точки потолка, куда он глядел. “Куда там, Ваше Превосходительство. У меня предчувствие, что сейчас снаряд ударит в наш дом”, – ответил я спокойно. “Тьфу, типун Вам на язык”, – проговорил он быстро и, вскочив с кровати, направился к выходу. “Вот спасибо тебе, хан, за услугу. Теперь я отдохну, а то вот четвертую ночь не сплю”, – сказал Сердаров, удобно устроившись на оставленной генералом Деникиным кровати.

Большевицкий плакат

Верховный не пошел на фронт, потому что ему доложили, что от Эрдели идет донесение, которое должно быть вручено ему каждую минуту. И на основании этого донесения он должен был дать распоряжения генералу Романовскому раньше, чем идти на фронт. Вот почему он находился в это злополучное утро у себя в комнате, а не пошел к войскам под Екатеринодар с самого раннего утра, как он имел привычку делать это с первого дня похода. Его задержали в этой несчастной комнате в этот день 3 обстоятельства — проща-

ние с телом Неженцева, донесение от Эрдели и самое главное — Его Величество Время. Он должен был умереть именно в это утро, в указанное в его судьбе время. Кismet!³

Я вошел к Верховному. Он, приподняв голову, взглянул на меня и сказал: «Хан, дорогой, дайте мне пожалуйста чаю. У меня что-то в горле сохнет». Я пошел за чаем, которого, кстати, Верховный еще не пил с утра. Обождав, пока Фока вскипятит чай и взяв кружку чая, я пошел к Верховному. Он сидел за столом уже одетый в полушубок и папаху, собираясь, очевидно, после чая на позиции. Между ногами находилась его неизменная палка (в начале февраля неизвестный полковник Рымникского полка от имени нескольких офицеров и солдат полка поднес генералу Корнилову суковатую палку с вырезанными на ней словами: «29 апреля 1915 года. Орлиное гнездо». — Е. К.). На столе, на карте, лежала какая-то бумага, на которой он писал резолюцию. Левая рука его лежала на карте. Он сидел спиной к печке, приблизительно на пол-аршина от нее. Я видел его профиль. По мере движения правой руки, двигалась и левая, блестя кольцами на безымянном пальце, что приковало мое внимание. Держа в одной руке кружку чая, а в другой кусок белого хлеба, данный мне Силаб Сердаровым, я собирался перешагнуть порог, как вдруг ударил тот снаряд, о котором мое предчувствие полчаса тому назад меня предупредило. Раздался сильный шум и треск. Верховного швырнуло в сидячем положении к печке, и он, очевидно, ударившись о нее головой, рухнулся на пол. На него обрушился потолок.

Я пришел в себя перед дверью команды связи, которая находилась напротив комнаты Верховного. Открыв глаза, я увидел бегущих и прыгающих через меня людей. Это были чины из комнаты команды связи, первые бросившиеся в комнату Верховного. Вспомнив только что произошедшее, я вскочил и бросился в комнату Верховного, которая была наполнена газом и черным едким дымом, смешанным с пылью, что не давало мне возможности различать лица находившихся там в это время. Но все-же я хорошо запомнил полковника Ратманова, Силаба Сердарова и одного поручика из команды связи, которые помогли мне вытащить Верховного за ноги из-под обломков. Когда уже Верховный был поднят и был в наших руках, тогда вбежал в комнату генерал Романов-

ский и, увидя меня, удивленно спросил: “Вы живы, хан?” Очевидно, ему успели сообщить о моей смерти. За Романовским подошел генерал Казанович. Они помогли вынести Верховного перед входом в штабное помещение. По моим часам было ровно 8 часов, когда мы с телом Верховного спускались по наружным ступенькам дома, направляясь по указанию генерала Романовского на берег Кубани, отстоящей на 200–300 шагов от дома. Когда мы совсем спустились с крыльца, тогда начали собираться со всех сторон с рыданиями люди, в том числе с белой повязкой через плечо генерал Казанович⁴, у которого рука была раздроблена пулей под Екатеринодаром и который все-же оставался в строю. По мере того, как мы двигались по направлению к Кубани, рыдающая толпа увеличивалась. Когда мы несли Верховного в наших руках, то он бессознательно открывал и закрывал свои глаза и сильно хрипел. Все лицо и одежда были покрыты известью, а из левой руки сочилась кровь. Наконец, мы дошли до обрыва, где сидел генерал Деникин. Мы, 4 человека, осторожно положили Верховного на землю. Голова его находилась на моем колене, потому что я держал его плечи. Никаких носилок не было. Раньше, чем прибыл доктор Марковского (Офицерского. – Е. К.) полка, Верховный открыл на мгновение глаза и тотчас закрыл, издал тяжелый вздох, захрипел и скончался. Было 8 часов 15 минут. Доктор открыл левый глаз Верховного и ответил генералу Деникину, задавшему вопрос: “Есть ли надежда, доктор?” – отрицательно покачивая головой.

Вот это мое точное описание как очевидца последних минут жизни Великого Бояра. Не прошло и минуты после осмотра доктора, как корнет Сердаров, Мистулов, полковник Григорьев, Ратманов и я понесли тело Верховного на руках до первой попавшейся линейки. Устроив его на соломе и покрыв его же пробитой снарядам буркой, я отправился в комнату Верховного. Отыскав среди мусора его кожаный бумажник, карту с пятнами крови и отобрав у людей кое-какие вещи Верховного, я возвратился к моим людям конвоя, которые запрягали лошадей в линейку и ждали меня. Пока я вручал генералу Романовскому окровавленную карту Верховного, приказал привести Булана (конь Корнилова. – Е. К.) и принял кое-какие меры. Было уже 9 часов утра, а в 9.30 печальное шествие вышло на дорогу. Погода была ясная и солнечная, и весь конвой от фермы до Елизаветинской станции шел пешком. За линейкой Дронов, конюх Верховного, вел мрачного Булана, который, как бы почуяв потерю своего великого седока, опустив голову вниз, шагал печально и медленно. Каждый из встреченных офицеров или солдат, увидя Булана, не спрашивая у нас ни слова, подходил к линейке и рыдал. На полпути к Елизаветинской мы встретили генерала Алексеева, по вызову генерала Деникина ехавшего на ферму. Он, поравнявшись с нами, слез с лошади и, подойдя к линейке, приоткрыл лицо Верховного, снял шапку, перекрестился, поклонился телу и, обратившись к находящемуся здесь же полковнику Григорьеву, тихим голосом приказал: “Возьмите на себя, полковник, заботу о теле”».

* * *

По армии был оглашен приказ генерала Алексеева:

«Неприятельским снарядам, попавшим в штаб армии, в 7 ч[асов] 30 м[инут] 31 сего марта убит генерал Корнилов.

Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести ее позора.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине.

*Эскиз неосуществленного памятника воинам
Белой армии, 1919 год*

Бегство из неприятельского плена, августовское выступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею – известны всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову – нашему незабвенному вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!»

Чтобы «оживить» образ Л. Г. Корнилова, вновь дадим слово его адъютанту, корнету Резак Бек Хаджиеву, чьи воспоминания в виде ответов на вопросы о своем командире увидели свет уже в эмиграции, много лет спустя после смерти Корнилова. Они дополняют портрет генерала, делая образ Верховного более близким и человечным. Таким он остался в памяти своих боевых соратников и подчиненных.

«Звание Верховный закрепилось за ним по моему настоянию, несмотря на то, что многие просили меня не называть генерала Корнилова Верховным после сдачи им главнокомандования генералу Алексееву... Текинцы звали его “Сердар” – Глава. С тех пор и доныне генерал Корнилов остается для нас

“Верховным”. С той минуты, как он сдал свой пост Алексееву, сочувствующие его идее полковники и генералы в Ставке величали его “Ваше Превосходительство”, а ниже полковника – “Ваше Высокопревосходительство”. Один только генерал Деникин называл его по имени и отчеству. Чины Корниловского и Офицерского полков за глаза называли его “Батяка”...”

«9 февраля 1918 года Верховный вышел в поход в кителе с генеральскими погонами, на нем были брюки темносинего цвета с красными широкими лампасами, на ногах – высокие сапоги без шпор. Носил он солдатскую шинель, переделанную в полушубок, с генеральскими погонами на плечах, на голове – простую солдатскую папаху с белой повязкой, как простой доброволец. Никаких орденов или других украшений он не носил, за исключением венчального кольца и другого – с китайскими иероглифами на нем. Это кольцо служило как бы печатью, которую он накладывал на конверты в весьма экстренных случаях или если письмо было секретно и исходило от него. Большой шейный крест 3-й степени на георгиевской ленте, офицерский Георгиевский крест 4-й степени, орден Почетного легиона – офицерский, украшенный лавровыми листьями, на темнозеленой с красными полосками ленточке⁵, – в Быхове все эти награды он снял и упаковал в маленький кожаный бумажник, в котором кроме этих орденов он носил еще некоторые документы, личные записки, список имен разных лиц, фото семьи, количество оставшихся снарядов и т. п. ...»

«Однажды в 1-м Кубанском походе генерал Корнилов услышал песню Корниловского полка и попросил, чтобы ему записали слова. Листок с этой песней, пробитый осколком, нашли в кармане на груди погибшего генерала. Это так поразило Корниловцев, что с той поры песня Кривошеева стала официальным маршем Корниловцев...»

(Слова «Гимна Корниловцев»:

Пусть вокруг одно глумленье,
Клевета и гнет, –
Нас, Корниловцев, презренье
Черни не убьет.

Припев: Вперед, на бой,
Вперед, на бой,
На бой, открытый бой.

Мы былого не жалеем,
Царь нам – не кумир⁶, –
Мы одну мечту лелеем:
Дать России мир.
Верим мы: близка развязка
С чарами врага,
Упадет с очей повязка
У России, да!
Русь поймет, кто ей изменник,
В чем ее недуг,
И что в Быхове не пленник
Был, а – верный друг.
За Россию и свободу
Если в бой зовут,
То Корниловцы и в воду,
И в огонь идут.)

«Вместо полагавшегося ему жалонерного значка Главнокомандующего генерал Корнилов приказал сшить обычный трехцветный флаг. Во всех боях флаг этот неизменно оставался возле него воткнутым в землю, иногда его держал в руках находившийся рядом текинец. Как только генерал Корнилов занимал позицию на передовой линии со своим штабом и наблюдательным пунктом, красные начинали бешено палить по флагу. Флаг гордо, красиво и высоко развевался над головой Пророка, а его верующие ученики с гордостью шли на смерть за флаг и вождя...»

«При себе генерал Корнилов носил заряженный маленький маузер, но никогда не стрелял. Всегда его пистолет, часы черного цвета без верхней крышки марки “Павел Бурэ”, коробка спичек, свеча, записная книжка и карандаш лежали на стуле около его головы, когда он ложился спать, а днем на столе, за которым он сидел...»

«Генерал Корнилов не курил, любил в походе выпить только одну рюмку водки перед обедом, но не всегда имел такое удовольствие. Кушал медленно и был нетребователен к еде...»

«У генерала Корнилова была особая бурка, которую в день соединения Добровольческой армии с Кубанским отрядом в ауле Шенджий мне поднес ротмистр Султан Гирей, а я – Верховному. Этой буркой он укрывался, как одеялом. Иногда клал на солому как тюфяк. В день его смерти бурка лежала на кровати, и часть ее свисала до пола. Граната, пробившая стену, прошла через бурку, чтобы убить Верховного...»

«После смерти генерала Корнилова, когда тело его обмыли от сочившейся из ран крови, пришел батюшка и отслужил панихиду. Весть о смерти генерала Корнилова мгновенно разнеслась по станице, и раненые, кто только мог, приходили поклониться телу любимого Вождя. Офицеры рыдали. Его бурка, брюки, полушубок и папаха, оставленные для просушки, были разрезаны пришедшими на кусочки и разобраны на память...»

«Все его личные вещи, бумажник, окровавленные кольца и маленький золотой крестик на тоненькой цепочке я вручил Наталье Лавровне (дочери генерала. – Е. К.) в Новочеркасске...»

Дабы скрыть могилы генерала Л. Г. Корнилова и погибшего ранее полковника М. О. Неженцова, захоронение проводилось ночью на пустыре за немецкой колонией в 50 верстах от Екатеринодара. Не было оставлено ни могильных холмиков, ни крестов. Точное место знали лишь три человека. Однако утром занявшие колонию большевики сумели найти могилу Корнилова, надругались над его останками, отвезли их в Екатеринодар, а затем сожгли. Пепел был развеян за городом...

Так закончил свой жизненный путь Георгиевский кавалер, генерал-от-инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов, который остался верен своим идеалам, по праву став одним из основателей Белого движения, навсегда вошедшего в историю России. «Великое значение Белой идеи, которая по существу своему является христианской, не оценена еще до сих пор, – писал в 1949 году Митрополит Русской Православной Церкви Заграницей Анастасий. – Но придет время, и Россия воздаст должную дань ее благородным рыцарям. Я часто говорю, что наше поколение было бы безответственным перед судом Истории, если бы оно не породило героев Белого движения, которое будет нашим оправданием перед лицом будущей свободной России».